

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Застава (Написанное на заказ)

«На женский норов нет угадчика».

Я, моя жена, и просто я!

— 1-

Сразу же после института я попался. Во-первых: женился; а во-вторых: уехал в неизведанное. Представляете! Из небольшого по меркам страны, но всё же города на затерянную среди гор заставу. И не крупную, а расположенную в Н-ской области. Как пояснили мне в кадрах, это была образцовая застава, бла-бла-бла... И меня молодого офицера там ждут с распростертыми руками, бла-бла-бла... аж на должности заместителя начальника заставы, бла-бла-бла... Если бы не «радужные очки» коими меня снабдили в кадрах, вместе с лапшой, «навешанной» там же «на уши», я ещё может подумал... Но юность беспечна. Меня прельстила должность, хотя потолок звания на ней был старший лейтенант. Вот я, весь такой гордый, вместе с женой поехал на место службы.

Когда прибыли — понял, такие выселки я точно никогда, нигде не видел. До ближайшего населенного пункта, маленькой умирающей деревушки в десяток дворов было около сорока километров по дороге, хотя на карте она располагалась не далее чем в пяти... Но эта прямая проходила через горную кручу, по которой мог подняться только горный баран, читай козёл, или очень хороший альпинист. От заставы вглубь нашей территории уходило длинное лесистое ущелье, поросшее каким-то незнакомым кустарником с редкими деревьями... И заканчивающееся горным тупиком и ручей, вытекающий из этого же урочища... Вот и всё что находилось рядом. Да! Разумеется, горы... Много крутых и недоступных гор. Конечно, ещё была граница и застава на сопредельной территории. Охраняемый участок был не очень большой, поэтому, как я узнал, вступив в должность, на заставе было бойцов и сержантов всего пятьдесят четыре человека, и три офицера: Начальник заставы, я — его заместитель, заместитель по воспитательной и социально-правовой работе. Да наш помощник за всё старший прапорщик — старшина заставы Семен Евдокимович. Такой добродушный, рослый детина, с серыми глазами и спокойно ломающим тремя пальчиками черенок от лопаты.

Единственное, что радовало, хоть поселили нас с женой не в углу, огороженном в казарме, а предоставили небольшой домик, состоящий из двух комнаток и кухни. Да туалет был внутри...

Так получилось, что моя супруга оказалась единственной женщиной в окружении множества мужчин. Но мне даже удалось её трудоустроить, заведующей медпунктом. Она имела диплом медицинской сестры.

Моя жена — Кристина истинная дочь Евы, среднего роста, фигуристая, с хорошей попой, которую так приятно потрогать и в то же время ласково похлопать по ней. Груды третий номер, с большими сосками. Скажу вам по секрету, она обожает, когда я ей их тискаю и насасываю соски, хотя не отказывается и более ласкового отношения к своим сокровищам: поглаживанию, мягкому надавливанию, поцелуям. А в постели — просто «зверь». Каждую ночь, а если позволяет время и днём, мы трахаемся минимум три раза в сутки. Меньшее количество её не устраивает! А уж как она целуется... Первое время после знакомства я ходил весь в засосах, да и теперь частенько... Хотя теперь Кристина ставит их, по крайней мере, не на видных местах. Она может часам сосаться, позволяя мне играть и гладить её прелести не

устава от этого.

Так вот, как только она приняла медпункт, то случилось небывалое. Даже самые здоровые бойцы, те, которые зимой босиком по снегу могли пройти от Урала до Поволжья стали «болеть». По утрам первой недели её работы в медпункт выстраивалась очередь — померить температуру; или получить «таблеточку» хотя бы от жадности; и прочая; и прочая; и прочая...

До моей благоверной медпунктом командовал санинструктор Зибаев, татарин по национальности, имеющий диплом ветеринара. Тот признавал три вида лечения: касторку, йод и таблетки аспирина... Разумеется, что к нему обращались только в случае крайней необходимости.

А тут было нашествие. Впрочем, начальник заставы очень быстро установил и устранил этот вид «недомогания». Каждого посетившего медпункт и не получившего подтверждения «доктора», так он называл мою жену, ждал наряд вне очереди. И уже после объявления «этого неписаного приказа по кадрам», и получение двумя «злостными симулянтами» по два наряда вне очереди каждому — хвост солдат стоящих в медпункт по утрам пропал! Сначала я не понимал в чем дело, но потом замполит, так по старинке мы называли заместителя по воспитательной и социально-правовой работе, дал мне совет:

— У тебя жена, красавица. Не идет — плывет! При этом она здесь единственная женщина. Ты погляди на бойцов, когда она проходит мимо...

Я и посмотрел, а потом наблюдал постоянно! Когда моя милая проходила по части... вся работа там, откуда она была видна — замирала! Все смотрели только на неё: созерцали, восторженно цокая языком; раздевали взором; и даже извините, находились такие, кто насиловал её взглядом! Взглянув на брюки, видел, какие бугры появляются в штанах моих подчиненных. Её хотели, желали, жаждали... И это не зависело от возраста, воспитания и звания. Наверное, сказывалась ситуация полного отсутствия женщин, невозможность уйти в самоволку — «по бабам»... Что толку пилить сорок километров по пыльной узкой дороге, рискуя нарваться на крупные неприятности, если в деревне самая молодуха имеет возраст от пятидесяти и выше. Нет, при возможности, бойцы и такими женщинами воспользовались бы, но вот подставляться специально при таких «бонусах»! «Ищите дурака, за четыре сольдо!», — как говаривал Буратино. Раз в месяц попавших в увольнение возили в город на специальном автобусе выделяемым штабом. За места в автобусе и увольнении в этот день разгоралась настоящая «драка». Эта была возможность натрахать, пообщаться с девушками и «многое другое» столь же приятное вне заставы. Опять же новые лица...

Изначально меня это напрягало, особенно когда я обнаружил несколько любителей подглядывать и подслушивать наши «сексуальные тантрические упражнения после отбоя»! Одного я, вообще, застукал, когда он дрочил, подглядывая в окно за моей ненаглядной. Я пытался бороться с этим всеми доступными средствами и способами... Но если вы читали «Дон Кихота», то можете понять мои достижения на этой ниве. Они были, пожалуй, даже меньше чем у последнего в сражении с ветряными мельницами. А после я пообвык, что ли. Стал, даже специально оставлял открытым окно, когда мы занимались сексом.

— Пусть слышат и завидуют, — думал я, заставляя свою милую, орать и стонать громче и пронзительнее чем раньше.

А потом ко мне в голову закралась крамольная мысль. «Вот прихожу я домой, и обнаруживаю в своей постели с другим...», и почему-то от этой мысли у меня случился такой стояк... Мне пришлось срочно отпрашиваться и «лететь» в медпункт, где мы с ней и занялись

снятием стресса, даже не закрыв двери на щеколду! Чем дальше, тем больше! Я не только представлял такую ситуацию, я ещё и хотел наблюдать её! Короче — заикнулся, хотя все эти фантазии не мешали мне любить и боготворить свою Крису. Это был действенный приём «поднятия тонуса» даже когда тело было не в духе: устало или впадало в депрессию. Но любому стимулу необходима подпитка, а вот перейти от мыслей к делу я не мог. Может быть, не хватало духа, а, возможно, не позволяло воспитание.

Так мы и жили, отдаваясь супружеским утехам по несколько раз за ночь, а ещё иногда «догоняясь» днём. И тут меня решили отправить на учёбу. Можно было бы ехать вдвоём, но Кристина работала! И до отпуска было ещё ой как далеко! Вот так мне и пришлось уехать от неё на несколько дней. Одно утешало, курс переподготовки был рассчитан всего на три дня. «Проводы» меня в округ затянулись на всю ночь, хотя когда я пришёл домой, Кристина была «жутко» не в духе. Не оборачиваясь на моё приветствие, буркнула:

— Раздевайся, ужин сейчас будет...

Переодевшись и умывшись, я зашёл в кухню.

— Что случилось, милая?

— ... — звон упавшей в мойку кастрюли.

— Ну что ты? Кристина... — обнял я её со спины, прижимая к себе.

Она замерла, прильнув ко мне и откинув голову. — Ты уезжаешь... — тело её содрогнулось, и она зашмыгала носом.

— Служба... Ты ведь знаешь! И знала, за кого выходишь...

— Понимаю... — она уже плакала, — но ты едешь один... А как же я?! Что я здесь буду делать одна?

— Ну, ты не одна... Будешь три дня ходить, как обычно на работу, а потом я приеду!

— А ночью? С кем я буду ночью? Сама с собой?

Я развернул Кристину лицом к себе и начал целовать лицо, ощущая горько-солёные слёзы на губах.

— Милая... Три дня потерпишь, а потом всё наверстаем!

— Целых три дня! — чуть ли закричала она.

И тогда я решился, и пусть она воспримет это как неудачную шутку:

— Если хочешь... Я разрешаю тебе трахнуть кого-нибудь из наших постоянных соглядатаев, — и кивнул в окно, задернутое тюлем.

Она затихла, посмотрела на меня.

— Шутишь, — заревела ещё громче.

— Нет, если уж тебе так приспичит... — повторил я очень тихо почти про себя и, схватив её в охапку, бережно понёс в койку.

Ночь была страстной. Мало того что я оттрахал все положенное и неположенное, так ещё и перед самым выходом умудрился доставить ей удовольствие у плиты, где она делала завтрак.

Но ведь секс эта такая штука... Нельзя наесться на три дня вперед, вот и натрахать на большой период авансом, то же не получается! Короче, проводы: расставания; слёзы и сопли; страстные поцелуи и объятия... Всё было, и всё закончилось. Мелькнули закрываемые ворота заставы, и я уехал.

— 2-

— Привет милый, я уже по тебе соскучилась... — прозвучало из телефона, едва мы добрались до места.

— Я то же...

— Ты меня сильно любишь... — фразу было еле слышно.

— Да! Кристиночка! Я тебя люблю и хочу!

— И я... А ты как меня будешь любить?!

— А как скажешь, так и буду! — ответил я возбуждаясь...

— Лейтенант! Вам что особое приглашение надо? — услышал я слова встречающего нас майора.

— Извини милая, только приехали... Вот уже «на карандаш» попал»...

— Выключите телефон и идите вместе со всеми. Распустили вас там, на заставе... — нехорошо блеснули глаза майора, — дисциплины никакой! Ничего... Я вам о ней напомним! — угрожающе продолжил он.

— Пока милая, я позвоню... — и, обращаясь к майору, — виноват, господин майор. Больше не повторится, — и вытянулся в фунт по уставу, «преданно ел» его глазами.

— С кем вы там разговаривали?

— Жена... Первое в жизни расставание, — не по уставу ответил я.

— Ладно. Бегом вперёд. Догоняйте ушедших...

Дни не летели, они ползли. Медленно не торопясь. Вечерами, часами разговаривал по телефону. И слёзы, слёзы, слёзы. Моя благоверная всё больше плакала, жалуясь на одиночество и отсутствие мужской ласки.

А потом оказалось, что меня и ещё двоих «коллег по несчастью», таких же зелёных лейтенантов оставляют в штабе округа на пару дней. Что называется — влипли... будем отрабатывать руководство десантно-штурмовой маневренной группой. Это, конечно, интересно, но вот проблема с женой...

Новый звонок:

— Ты сегодня приедешь?!

— Нет! — тяжело выдохнув, сообщаю ей, — ещё на два дня задержали, будем практически отра...

— Как нет?! — прервала она меня, — ты же обещал! — в голосе была паника.

— Киса, я не виноват... — в трубке слышны рыдания.

— Вот всегда... так! Наврёшь... с три короба... а я одна... майся! Сил нет терпеть! Тебя хочу... — и бросила трубку.

Я набирал её номер полчаса, но ответа так и не услышал. Гудки типа «никого нет дома»! Дозвонился только вечером:

— Привет!

— Привет... — тихое сопение в трубку.

— Ты как?

— А как думаешь? Хочу и всё! — железо в голосе спадает до просящих нот.

— ... — тяжело дышу в трубку, — может, кого из солдат прислать? — прорезается какая-то угодливость, а у самого встал, да так хоть как в училище, беги в туалет и дрочи...

— Да пошёл ты! — слышу в ответ истерические нотки... И молчание...

Тишина длится с минуту:

— А кого? — еле слышно спрашивает она.

— Ну не знаю... Есть предпочтения?

— Сволочь, ты... — в трубке послышались гудки отбоя.

Несколько раз набрал номер, получая в ответ: «Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети!».

Набрал номер нашего старшины.

— Привет Семён Евдокимович!

— Привет.

— Ты не мог бы послать к моей кого-нибудь из бойцов — поздоровее. У неё там, какие-то перестановки... Надо помочь.

— Завтра распоряджусь, — устало отвечает он.

— Надо бы сегодня, — гну я свою линию.

— Хорошо! — я посмотрю, кто свободен...

— Спасибо, Евдокимыч... — отключаюсь я.

Семен Евдокимович.

— 3-

— Наконец-то закончил, — подумал я, дописывая заявку в округ, — теперь можно и домой...

Я потянулся от долгого сидения за столом.

— Вот чёрт! — вспомнилась мне просьбе лейтенанта, — он же просил кого-нибудь отправить к нему домой... Помочь там с чем-то!

Посмотрел на часы: «Десять!».

— Вот и всё решилось, придется самому отдуваться, — мелькнуло в голове, — ладно буду проходить мимо, если будет свет — зайду! А если нет... То и суда нет!

Вышел из каптерки, перебрался парой фраз с дневальным и с удовольствием вышел на свежий воздух.

— Какая ночь! Сейчас бы горячую девку, да пахучий стог... Вот дома в такое время... — подумалось мне.

— Ты не дома. И девок здесь нет. На всех только жена лейтенанта. Так что «закатай губу», — злорадствовал внутренний голос.

— Перефразируя один анекдот, — успокаивал я себя, — «не потрахуюсь, так хоть насмотрюсь вдоволь», а вдруг она будет в том коротеньком халатике, да ещё и пуговка, верхняя, не застегнута?!

— Ага! Так, и не застегнута! А, может, она тебя ещё позовет спинку потереть? — встряла мысль подсознания.

И несмотря на то, что мне «не светило» при любом раскладе, настроение заметно поднялось и даже «боец» в штанах зашевелился...

Ещё издали увидел, что у Кристины горит свет.

— Придётся идти! — и я двинул к её двери, — домой то, что торопиться? Телек смотреть, да пиво пить... Только его мало осталось, пора в город ехать — затариться, да и плоть требует!

Подошёл, постучал. За дверью тишина.

— Она что? Свет забыла погасить, — мелькнуло и пропало, как только услышал шаги.

Медленно открылась дверь, и на пороге появилась ОНА! Мои мысли о давешнем наряде, сразу исчезли. То, что было одето на ней, ни в какое сравнение не шло с халатиком. Это как дерюга и кружевная занавеска! Причем халатик был именно дерюгой...

— Вы?! — удивилась Кристина, — проходите Семен Евдокимович.

— ... — а я от увиденного не мог не то чтобы идти, а даже слова сказать.

Нечто воздушное, всё в кружевах и оборках, не скрывающих тело, а окутывающих его.

Туманный силуэт, окрыляющий полёт мысли... Взяв себя в руки и с трудом отведя глаза от прозрачно-сексуального пеньюара, в который она была одета, откашлялся, но всё равно еле выдавил из себя:

— Кристина... Ваш муж звонил... Просил солдатиков прислать, чтобы помочь... Но вот напасть! Закрутился и забыл... Вы уж не обессудьте, коли поздно, я могу и сам помочь! — слова вылезали из горла с трудом, а член в штанах явно оттопыривал ширинку...

— Проходите, я честно не думала, что кто-то придет... Вот спать собралась, — явно смутившись, сказала она.

А для меня её голос зазвенел как нежные арфы амуров, будоража плоть и выплескивая литры тестостерона в кровь... Подсознание как будто разделилось на две части: хорошую и плохую.

— Даже не думай! И не вздумай пялиться! — кричала в душе половинка меня хорошего.

— Не слушай дурака! Она мужика несколько дней не щупала! — нашептывала в ухо вторая половина, — не зря она так разоделась... А как от неё пахнет!

— Помоги и уходи! — увещевала первая.

— Хватай её и в постель! — советовала вторая.

— Чем... могу помочь? — взял я себя в руки.

— Да я уже сама всё сделала, спасибо...

— Тогда я пойду, — мой голос потух.

— А, может, чая или кофе?

— Спасибо, нет.

— А если покрепче?

— Это можно!

Как известно надежда умирает последней, и я шагнул через порог, закрывая за собой дверь!

— 4-

Она попыталась повернуться, и мы столкнулись... Кристина покачнулась, и я машинально обнял её поддерживая. Это был чудесный миг... Я почувствовал, как она содрогнулась от моего прикосновения, задрожала, а из прелестных пухлых губок вырвался приглушённый стон.

— Извините... — начал я.

Но продолжение фразы было прервано её губами, припавшим к моим. «Крышу» у меня снесло напрочь, и я сильно прижал трепещущее тело, к себе целуя и «упиваясь» ответными поцелуями. Далее, всё было как в прекрасном сне. Мои руки жадно, но бережно гладили её шикарные формы, а она только постанывала, прикрыв глаза. Поясок каким-то образом оказался развязанным, и я, целовал её шею спускаясь губами всё ниже. Белоснежные груди, до которых я добрался, вообще, свели меня с ума. Большой набухший сосок твердой виноградинкой перекатывался во рту. Язык просто летал, оглаживая и вылизывая его. Она чуть откинула назад голову и положила на вторую грудь мою руку.

— Сожми её... Крепче! — прошептали губы.

Ухватившись за коричневую бусину соска, я, дрожа от возбуждения, перекатывал его между пальцами.

— Сильнее!

— Да, — выдавил я из себя, на миг, отрываясь от белоснежного полушария, и сжал грудь.

— Ох... Как же хорошо, — шаловливая ручка, пробежалась по брюкам пытаясь расстегнуть

галифе.

Я переключился на лобызания второй груди. А рука, тем временем, скользнула по животу в её маленькие трусики. Горячий гладковыбритый лобок буквально подался мне навстречу. Ещё ниже... и пальцы прямо таки засасывает в горячую и влажную плоть вульвы. Её колени раздвигаются и скользящие вниз пальцы проваливаются во влагалище.

— Ооо-ууу... — разносится по прихожей, — да сними ты эти брюки, — сквозь стоны просит она.

— Сейчас! — хватаю её на руки и несу в комнату, продолжая целовать желанные губы.

Бережно уложив на диван, лихорадочно стягиваю сапоги и галифе. Сдирая китель и рубашку. И уже припав губами к её животу, стягиваю всё остальное. Сильно рву мешающие трусики, откидывая в сторону оставшиеся лоскуты. Вот он предмет обожания и страсти. Орхидея женственности, сочащаяся «нектаром» и вызывающая вождление. Припадаю к ней губами, ласкаю языком, помогая пальцами. Кристина стонет, рычит как львица, ерзает и бьётся под моим напором. Руки хватают мою голову, стараясь крепче прижать к источнику «любви». Ногти, коготками вцепляются в волосы, оставляя кровавые царапины на коже.

— Ещё! — увещевает она.

Язык проваливается в зовущую дырочку, и она захлёбывается криком, поднимаясь мне навстречу промежностью.

Сквозь глухие удары сердца в ушах слышу: «Дай!». До меня не сразу доходит смысл, хотя её руки уже давно скользят по бедру пытаюсь добраться до моего члена. Рывком поднимаю её с дивана и ложусь сам, опустив Кристину на живот. Она, вывернувшись как змея, ложится сверху ногами к голове. И тут же мой орган засасывает в её ротик. Ойкнув, я снова припадаю к лону. Мои губы сосут и ласкают клитор, а пальчики, провалившись в вагину, «совершают там революцию», двигаясь вперед-назад с невообразимой скоростью.

Чувствую, как язычок нежной бабочкой порхает по головке члена. А уже через мгновение орган проваливается в рот, скользя по этому языку как ледяной, но горячей горке. Как пальчики массируют и нежно мнут мошонку, перекачивая внутри набухшие яички...

А затем всё замирает. Становится тихо и тишину рвёт пронзительный и просящий стон:

— Хочу! Сейчас!

И я хочу! Опять поднимаю её на руках, мне это не составляет труда. Ставлю её на диван раком и медленно начинаю водить распухшей от ласк головкой по набухшим губкам и клитору. Кристина выгибает спину, чуть подается назад, пытаюсь нанизаться на мой дрожащий от возбуждения фаллос. Но я не даю ей это сделать, придерживая за бедра.

— Быстрее! — пытаюсь вырваться, просит она.

— Рано! — рокочу я, постукивая стволком по вульве и ягодицам.

— Ну же! — она почти ревет...

Приставляю головку к «плачущей» вагине и медленно давя бёдрами. С негромким звуком чмок, головка, а потом и ствол погружаются в «пещерку». Я вижу, как растянулась белесым колечком кожа вокруг влагалища, подстраивающегося под мой размер, как застыли неподвижно ягодицы, и выгнулась спина.

Легкий шлепок по круглой попе, мгновенное расслабление мышц и я врываюсь внутрь.

— Оооууу... — стонет, толи выдыхает воздух она, — медленнее...

Я начинаю двигаться. Сначала медленно, но терпения хватает ненадолго... Постепенно ускоряюсь... быстрее, ещё быстрее... Стоны заполняют объём комнаты. Она уже непросто

стоит на карачках, а начала двигаться — подмахивая. И вот мы уже в едином порыве «несемся к ещё далёкому финишу»! Она руками отталкивается от дивана и прижимается спиной ко мне. Её тело выгнулось дугой вперед, голова повернута в сторону, а мягкие искусанные губы ищут мой рот. Чуть нагибаюсь, и вот мы сливаемся, в каком-то странном поцелуе.

Одновременно совокупляясь. Мои бёдра и корпус мощно ходит туда-сюда, продираясь через её узкую вагину, наши языки сплелись в «бешеном» танце, а мои руки сжимают и тискают её белоснежно-крепкие и в то же время мягкие груди. Она мычит не в силах прервать поцелуй...

Наконец, наши губы «разрываются»:

— Пошли в спальню... — шепчет она, а сама не дает мне оторваться от себя, заведя руки назад и вцепившись в ягодицы.

Впившиеся ногти расчерчивают кожу, останавливаются и начинают царапать вновь. С трудом отрываю от себя её руки и словно куклу поднимаю, разворачиваю к себе лицом, и она медленно соскальзывает по мне вниз, пока не нанизывается на подставленный член. Её ноги крепко охватывают меня за поясницу. Прижимаю к себе и, подхватив под бёдра, руками заставляю двигаться вверх-вниз. Уловив ритм, она сама начинает шевелиться, а я медленными шагами двигаюсь к спальне.

— Меня... так... ещё на... руках... не носи... ли! — радостно нашёптывает Кристина в моё ухо, — как же... это... при... ятно!

Добравшись до койки, не торопясь, опускаю её спиной на одеяло, не прекращая своего основного занятия. Так сцепившись, мы и легли. Я оказался сверху. И как только она ослабила хватку, задрал её ножки в потолок, уложив себе на плечи. И опять понеслась «скачка». Мои «таранные удары» заставляли её дрожать и дергаться, а я все наносил и наносил их. Потом она задрожала, тело скрутило судорогой, и Кристина кончила, громко заявив об этом всей заставе посредством громкого крика:

— Дааааа...

Она ещё извивалась, «ломаемая» спазмами, а я, не теряя времени, пристроился сбоку и, подняв ближайшую ногу, опять проник в неё. Пока её сознание «продиралось сквозь дебри» оргазма снова заработал своим «поршнем» гоняя его внутри.

— Ещё... — шептали ненасытные губы.

А я, трахая её, мял и остервенело сжимал крепкие груди, насыщая ближайший сосок, словно ребенок.

— Дааа! — её ногти полосовали мой бок, оставляя за собой кровавые борозды.

Вторая рука, вцепившись в койку, комкала и тянула простынь так словно пытаясь порвать... Затем лег сверху. И опять мой орган буравил, ходил, проникал в заветную дырочку, вгоняя её в волшебный транс оргазма. Мы закончили вместе и я не успев покинуть её лоно, заполнил его семенем. Замер только на мгновение, когда всё началось чтобы тут же продолжить свои движения. Сперма хлюпала и чмокала в вагине, выплескиваясь вылавливаемая наружу струйками, сбегавшими по бедрам, уступая место моему органу, методично гоняющему внутри. Похоже, сил на слова у неё не оставалась:

— Оооууу... — выла она, выкручиваясь всем телом.

Хотя иногда и пробивались другие звуки:

— Щёёёёууу, хххчу...

— Вот ведь ненасытная девка! — мелькнула у меня в голове, и пропало.

Не знаю как она, но даже я, пробегающий с полной выкладкой десять километров и

спокойно после этого проходивший полосу препятствий, начал уставать.

— Давай! Быстрее! — билась она почти в истерике.

И я дал. Мои движения стали рваные, но мощными. После каждого толчка она чуть продвигалась вперёд, пока голова не уперлась в спинку кровати.

Вот тут её болезнью и прихватило. Я видел один раз человека бьющегося в эпилепсии, так вот её выкручивало сильнее! Мой член сдавливало так сильно, что только от этого можно было кончить. И я ели успел покинуть «гостеприимную хозяйку» и, встав рядом, кончил на её лицо. В основном попал в рот раскрытый как у птенца, требующего, кушать, небольшая часть брызгами покрыла лицо и даже груди. Кончая я орал как Тарзан, гоняющий своих обезьян...

Мы лежали рядом обнявшись. Дыхание успокаивалось, сердце перестало бухать, забившись в нормальном ритме. Она потянулась ко мне и, поцеловав, спросила:

— Ты когда уйдёшь?

— Уже пора? — удивился я и посмотрел на часы, они показывали полдвенадцатого ночи.

— Нет... Я просто... — она не закончила предложение, — есть хочешь?

— Нет, — хотел сказать я, но вот мозг, управляемый желудком, сказал, — да!

— Сейчас я встану и соберу на стол... — томно потянулась она.

Белеющее в темноте тело смачно потянулось, груди аппетитно задвигались, а соски призывно качнулись...

— Потом! — прошептал я ей на ушко, и... всё началось снова...

Мы так и не добрались до кухни. Как только она начиналась шевелиться, после очередного раза меня охватывало желание. И я снова и снова доказывал ей свою состоятельность в постели.

Ушел я перед рассветом. Мы долго стояли в прихожей и целовались. Я уже по-хозяйски ласкал её тело, думая про себя:

— Вернётся её муж... И что же будет?! — нисколько не сожалея о произошедшем, — вот ненасытная бестия! — и улыбался в душе, стискивая груди и слыша её вздохи и стенания.

Уже закрывая дверь, она шепнула:

— Вечером приходи... Мой вернётся только завтра... — и озорно блеснув глазами, прикрыла дверь.

Щелкнул замок, и я, глубоко вдыхая свежий воздух, побрёл домой, хоть немного поспать.

Эпилог.

— 5-

Утром, только проснувшись, я схватился за телефон. Набрал номер и с нетерпением считал гудки:

— Один, два, три...

— Алло, — услышал в ответ сонный голос.

— Как дела, киса?

— Нормально, — раздалось с некоторой паузой.

С трудом сдерживая нетерпение, спросил:

— Вчера кто-нибудь приходил? — тихо спросил я.

Секундная пауза и безразличный ответ:

— Нет! А что должен был?

— Вот старшина гад, — подумал я про себя, — обещал же!

— Не знаю, так спросил, — начал выкручиваться я.

- Когда тебя ждать, милый? Я соскучилась... — в голосе послышалось придыхание и зов...
- Завтра милая, в обед отпустят, вечером буду дома!
- Милый мне пора! Надо на работу собираться... Проспала...
- До завтра милая!

* * *

Днём, ожидая оценку за выполненное упражнение по руководству десантно-штурмовой маневренной группой, я вдруг сообразил:

- А ведь она мне соврала! Был у неё кто-то! И раговаривала со мной не так! И тон как у сытой кошечки... Как пить дать — был! Ничего приеду — выясню!